

ФЕНОМЕН «ЖЕНСКОГО СУИЦИДАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА» НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ¹

И.В. Пащенко

Аннотация. Предметом исследования выступает феномен «женского суицидального терроризма», получивший распространение на территории России в конце XX–начале XXI в. Основная идея данной статьи заключается в том, что появление смертниц с одной стороны, было следствием широкого распространения ближневосточной стратегии ведения вооруженной борьбы иностранными наемниками на территории Северного Кавказа, с другой – выступило продуктом гендерного кризиса северокавказского общества, наступившего вследствие длительного военизированного конфликта. Спецификой северокавказского суицидального терроризма выступил его региональный характер и определяющая роль социального мотива в деятельности смертниц. С появлением глобализированной формы террориста-смертника женский суицидальный терроризм в России потерял свою пространственную локализацию на территории Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, террористическая организация, северокавказское бандподполье, смертницы, суицидальный терроризм, глобальный терроризм, Имарат Кавказ, Аль-Каида, Исламское государство.

Пащенко Ирина Владимировна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Федерального бюджетного учреждения науки «Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук», 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, pashchenkoirina@gmail.com.

¹ Работа выполнена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г. проект «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» № регистрации проекта АААА-А16-116012610051-6.

PHENOMENON OF A “FEMALE SUICIDE TERRORISM” IN THE NORTHERN CAUCASUS: GENESIS AND TRANSFORMATION

I.V. Pashchenko

Abstract. The subject of the study is the phenomenon of “female suicide terrorism”, which became widespread in Russia in the late 20th–early 21st century. The main idea of this article is that the appearance of suicide bombers was the result of the widespread distribution of the Middle East strategy of conducting armed conflict by foreign mercenaries in the territory of the North Caucasus on the one hand, and the result of the gender crisis of the North Caucasian society due to a prolonged paramilitary conflict on the other hand. Specificity of the North Caucasian suicide terrorism was its regional character and a major role of the social motive in the activities of suicide bombers. With the appearance of the globalized form of terrorist suiciders, female suicide terrorism in Russia has lost its spatial localization in the territory of the North Caucasus.

Keywords: the North Caucasus, terrorist organization, North Caucasian criminal underworld, female suicide bombers, suicide terrorism, global terrorism, the Caucasus Emirate, Al-Qaeda, the Islamic State.

Pashchenko Irina V., Candidate of Science (Philosophy), leading research scientist of the Federal Budgetary Institution of Science “Federal Research Center of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (SSC RAS), 41, Chekhov St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, pashchenkoirina@gmail.com.

Феномен терроризма носит системный и многоуровневый характер в современном глобальном пространстве, особенностью которого выступает рост числа женщин-участниц террористических организаций.

Участие женщин в террористических организациях и терроризме берет свое начало в конце XIX–начале XX в. в деятельности «Народной воли», а также боевой организации партии социалистов-революционеров. Отмечая факт участия женщины в террористических организациях уже более ста лет, следует сказать, что их место и роль к настоящему моменту претерпели существенные изменения.

М.А. Адамова и ряд других исследователей выделяют две модели женского участия в террористической деятельности: социально-политическую и социально-религиозную [Адамова, 2007, с. 142–143]. Согласно первой, террористки – это выразители политического протеста обществу, стремящиеся достичь социального и политического равенства с мужчинами путем изменения политической системы. Участие женщин в террористическом движении конца XIX–начала XX в. в России выступает именно как отрицание привычного общественного порядка и гендерного распределения ролей. Впервые на концепт «женщина-террорист» обратила внимание американская исследовательница Э. Найт еще в 1975 г. в статье «Женский терроризм в партии социалистов-революционеров». Согласно исследованию, деятельность женщин сводилась к планированию и подготовке теракта и была своеобразным вызовом обществу. Уход в террористическую организацию женщины выступал как политический протест и попытка достижения социального равенства с мужчинами [Будницкий, 2000, с. 102–103]. Проанализировав биографии 30 наиболее известных женщин-участников террористического движения конца XIX–начала XX в., из которых только 10 выступали как непосредственные исполнители теракта, приходим к выводу, что основными видами деятельности выступали все формы обеспечения террористического акта. Женщины выполняли роль агитаторов, хозяйек конспиративных квартир, а также сотрудниц динамитных мастерских. Трансформация роли женщины происходила одновременно с увеличением числа как самих радикальных организаций, так и числа женщин в общем количестве участников. Уже в 70-е годы XX в. в немецкой «Фракции Красной армии» и «Красной армии Японии» женщины, такие как У. Майнхофф и Ф. Сигэнобу, заняли место организатора и идейного вдохновителя террористической организации.

Согласно социально-религиозной модели женщины используются на низовом уровне в качестве «дешевого оружия», совершая самоподрыв, при этом экстремистскими религиозными лидерами пропагандируется образ террористок как героинь и мучениц. Радикальный исламизм создал свою идеологическую концепцию «смерти мучеников» («шахидизм»), и эти сакральные идеи предоставляют их носителям своего рода сакральную санкцию на осуществление террористической деятельности, которая понимается как «священная война за веру».

Феномен массового использования человека как орудия теракта (смертник) является лишь в конце XX в., хотя традиция добровольного самопожертвования

имеет давнюю историю. Впервые использование самоубийц для своих целей получило распространение в секте «ассасинов» более 800 лет назад. На современном этапе возродил идею «самоубийства во имя ислама» имам Хомейни после исламской революции в Иране. Основными причинами широкого распространения этого явления выступают следующие: смертник – идеальное «одноразовое оружие»; подготовка занимает минимальное время, т.к. не требуется никаких специальных и технических знаний и навыков; стоимость очень невысока – 80 \$ средняя цена «пояса смертника»; при этом это «высокоточное оружие», обреченное на безмолвие. Психологическое воздействие от атак смертников, в особенности женщин, на общество и средства массовой информации необычайно высоко [Капитонов, 2006, с. 204].

Стоит обратить внимание, что имеется сведения о подготовке первого самоподрыва уже в 1907 г. участницей Северного боевого летучего отряда партии социалистов-революционеров Е.П. Рогозинниковой. «В два часа дня в понедельник, 15 октября 1907 года, в приемную главного тюремного управления вошла молодая женщина... Когда Толя вошла в небольшую приемную, Максимовский (начальник) стоял, заложив руки за спину. Она подошла совсем близко к нему, что-то сказала и выстрелила почти в упор... Комиссаров (начальник охраны) подошел, нагнулся к лифу и сразу увидел два соединенных черных шнура детонаторов (один был запасным). Он разрезал шнуры и открыл лифчик, в котором находилось взрывчатое вещество. Достаточно было дернуть за шнур, чтобы произошел взрыв, который, по отзыву экспертов, уничтожил бы не только всех присутствующих при обыске вместе с Толей, но разрушил бы и здание главного тюремного управления». [Фридберг, 1990].

Первый же зафиксированный случай использования женщин в качестве смертниц имел место 9 апреля 1985 г., когда 16-летняя девушка по имени Хайадали Сана врезалась на грузовике в израильский военный конвой. Погибло два солдата. Террористка была членом Сирийской социалистической национальной партии [Попов, 2004]. Это явление, возникшее в недрах Палестинского движения сопротивления, в 70-х гг. XX в. рассматривалось как показатель кризиса этой организации, последний способ достичь поставленных политических целей по созданию собственного государства. В 80-х гг. XX в. случаи «суицидного» терроризма фиксировались в Ливане, Кувейте и Шри-Ланке. В 90-х гг. он распространяется на Израиль, Индию, Панаму, Алжир, Пакистан, Аргентину, Хорватию, Турцию, Танзанию и Кению. С ростом миграции террористических групп из стран, в которых существуют конфликтные ситуации, появление инфраструктур группировок международных террористов и рост их финансовых возможностей в период, последовавший за окончанием войны, «суицидный» терроризм уже проник в Западную Европу и Северную Америку.

В июне 1996 г. террористка-смертница из Курдской рабочей партии совершила самоподрыв, от которого погибло шестеро турецких солдат. Первой российской террористкой-смертницей стала Хава Ждансуркаева (Бараева). В июне 2000 г. она

вместе с Луизой Магомадовой направила автомобиль, начиненный взрывчаткой в здание комендатуры, располагавшейся в одном из административных зданий села Алхан-Кала. В результате этого теракта погибло двадцать семь военнослужащих. Вафа Идрис, член Бригад мучеников Аль Акса (Израиль), в январе 2002 г. взорвала в оживленном торговом центре 10-килограммовое взрывное устройство, приведшее к гибели одного и ранению более ста людей. В январе 2004 г. 22-летняя Рим аль-Рейяши (Палестинская террористическая организация ХАМАС) под предлогом получения медицинской помощи приблизилась к израильскому блокпосту и подорвала 5-килограммовое взрывное устройство, начиненное гайками и болтами.

Первоначально действия женщин-смертниц религиозные лидеры исламистских организаций отказывались признавать в качестве акта мученичества. Так, лидер группы ХАМАС, А. аз-Завахири утверждал, что «лучшая служба, которую женщины могут сослужить джихаду, заключается в выполнении... женских обязанностей: быть матерью, женой и домашней хозяйкой, использование женщин-смертниц в атаках «Аль-Каиды» останется скорее исключением, чем правилом» [Мухаммад Аш-Шафии, 2005]. Шейх А. Ясин, духовный лидер ХАМАС, в январе 2000 г. осудил акцию с участием женщин-смертниц. Однако в августе 2001 г. Высший исламский совет Саудовской Аравии выступил в поддержку того, чтобы палестинские женщины вступали в ряды смертниц. Теракт в январе 2004 г., совершенной террористкой ХАМАС, уже был квалифицирован шейхом А. Ясином как «значительный шаг вперед в развитии нашей веры», добавив: «Так как мужчины встречают больше препятствий, мы решили использовать женщин, которым легче достичь намеченных целей» [Дронзина, 2005, с. 168]. Признав женщин «резервной армией ислама», шейх даже настаивал на их участии в акциях там и тогда, где и когда это необходимо.

Согласно различным источникам к настоящему времени от 10 до 17 светских и религиозных организаций, использующих смертников для совершения террористических акций. Это ХАМАС и «Палестинский исламский джихад», ливанская Хезболла, «Египетский исламский джихад» и «Аль-Гамаа аль-исламийя», Исламский фронт спасения в Алжире, индийская «Баббар Халса» (Babbar Khalsa International), Тигры освобождения Тамил-Илама на территории Шри-Ланки, Рабочая партия Курдистана, действующая в Турции и, наконец, «Аль-Каида» и «Исламское государство» [Дронзина, 2005, с. 165].

Распространение суицидального терроризма на территории Российской Федерации связывают с деятельностью Ш. Басаева. В 2001 г. он создает отряд «черных вдов», женщин-смертниц, которые принимают участие в теракте на Дубровке, захватив в заложники зрителей спектакля «Норд-Ост» (2002 г.), в террористической акции во время музыкального рок-фестиваля на аэродроме в Тушино (2003 г.), в акции на 1-й Тверской-Ямской в Москве (2003 г.), в захвате школы в Беслане (2004 г.) и других акциях вплоть до 2006 г. Имеются данные о том, что в полевых лагерях «Кавказ» и «Талибан», открытых еще в 1997 г. под Сержень-Юртом, существовало спецотделение для женщин, но доказательств участия северокавказских женщин в активных боевых операциях не существует. В 2009 г. идеолог Имарата Кавказ

С. Бурятский возродил батальон смерти «Риядус-Салихин» («Сад праведников») и лично подготовил 30 «черных вдов» [Нефляшева, 2011]. Начиная с 2000 г., было совершено порядка 90 терактов с участием 130 террористов-смертников, из которых около 50 человек составляют женщины. При совершении суицидальных терактов приоритетным средством выступали пояса смертников (от 1,5 до 4 кг. взрывчатого вещества в тротиловом эквиваленте, начиненные различными поражающими элементами).¹

Появление этого феномена можно связать с возрастающей ролью иностранных наемников в северокавказском бандподполье, которые перенесли ближневосточную стратегию ведения вооруженной борьбы на российскую действительность. Проникновение иностранных наемников на территорию Чеченской республики имело массовый характер в 1995 г. и в 1999 г. Первыми прибыли представители Афганистана и Пакистана, затем появляются выходцы их Йемена, Судана. После 2000 г. происходит массовый отток иностранных эмиссаров с территории Северного Кавказа, изменяется не только численность иностранных боевиков, но и их роли, постепенно из рядовых бойцов в своем большинстве они стали выполнять функции руководства и распределения финансовых средств, получаемых из-за рубежа [Эбзеева, 2014, с. 54]. Именно с феноменом иностранных боевиков исследователи связывают распространение волны террористических акций на территории Северного Кавказа, начиная с 2000-х гг. Боевики, распространяя идеологию и способы ведения вооруженной борьбы, способствовали увеличению числа новых рекрутеров и продлению конфликта.

В истории народов Северного Кавказа случаи целенаправленного и осознанного самоубийства практически не встречаются. Самоубийство запрещено нормами не только исламской морали, но и более древней правовой культурой – адатами. В соответствии с ними самоубийца не может быть похоронен на кладбище, где покоятся его родственники. Обычно его хоронят за оградой, а чаще скрывают место погребения. Феномен суицида чужд образу жизни и духовно-культурному восприятию народов Северного Кавказа. Женщины, вступившие на путь войны, в Чечне называются «джеро», что обозначает – вдова. Быть «джеро» предосудительно, вследствие подмены гендерных ролей. Женщина должна заниматься домом, а не воевать. При вступлении в мужской коллектив, даже в следствии мести за родных, благопристойной она уже не будет. Они – культурно чуждое для Северного Кавказа явление [Китаев-Смык, 2009, с. 22]

Проанализировала общие причины вступление женщин в террористические организации, М. Креншоу выделила пять основополагающих: желание повысить личный или семейный статус; осуществление акта «кровной мести»; необходимость

¹ Здесь и далее, если иное не оговорено, источником количественных показателей по Северному Кавказу выступают сведения из пространственно-временного банка данных по акциям террористической направленности на Юге России. Свидетельство об официальной регистрации программы «Терроризм на Юге России (программа учета акций террористической направленности)» для ЭВМ № 2012612626 от 13.03.2012, созданного под руководством Г.Г. Матишова в Южном научном центре РАН

искупления за поступки, осуждаемые традиционным обществом; вследствие принуждения; возможность денежной компенсации семье [Crenshaw, 2001, p. 251].

Журналист Ю. Юзик приводит следующую классификацию женщин, ставших смертницами на Северном Кавказе с 2000 по 2002 гг.: «неудачница» и «невеста» [Юзик, 2003, с. 22].

«Невеста» – возраст 15–25 лет, воспитывающаяся в семье с радикальными взглядами, именно близкие родственники выступают идейными вдохновителями участия в акциях террористического характера. Согласимся с И.А. Ким, утверждающим, что для этой категории участие в теракте не является стремлением к обретению собственной идентичности, которая отождествляется ими с идейной идентичностью мужчины-террориста, это результат безоговорочного исполнения воли мужчины и принятие смерти как единственно возможной дороги в рай [Ким, 2006, с. 69].

«Неудачница» – возраст 30–40 лет, имеющая проблемы в личной жизни физического или психического характера, отвергнутая обществом. Потеря детей или близких родственников становится основной причиной вступления в террористическую организацию. Они не стремятся умирать, но готовы участвовать в террористических актах. Основной причиной реализации суицидального поведения этой категории женщин выступает стремление избавиться от негативной идентичности обществом и перейти в другой статус – «мученицы»: от одиночества безродного человека, физически или морально потерявшего всех близких, от клейма позора, от чувства унижения за свою этническую группу, из чувства мести [Соснин, 2010, с. 53].

Как отмечает в своем исследовании Л.А. Китаев-Смык, женский суицидальный терроризм стал выразителем гендерного кризиса в северокавказском обществе вследствие военизированного конфликта конца XX–начала XXI в. Экстремальные условия войны, в которых оказалось северокавказское общество, нарушили «равновесие патриархально-матриархальных взаимодействий, свойственных горским народам», роли патриархов-мужчин были вынуждены занимать женщины, так возникли феминизированные «боевые патриархи» [Китаев-Смык, 2001, с. 346]. Условие военного времени и отсутствие мужчин создали возможность для женщин занять лидирующие позиции в обществе, но это было не достижением, а суровой необходимостью. Уже в то время спецификой северокавказского терроризма стал социальный мотив, который был определяющим и доминирующим, религиозный играл лишь второстепенную роль. Косвенным подтверждением этому выступает сугубо внутренний характер «суицидального терроризма» в России, который испытал влияние афганских и палестинских боевиков, взял на вооружение их стратегию, но сохранил стремление к построению исламистского государства в пределах определенной территории, а граждан своего государства, наделил коллективной ответственностью за распространение насилия. Террористические акции выступают как «защитная агрессия» – «следствие насилия», в мотивации террористок доминирует гнев, обида, месть Немаловажным фактом выступает то обстоятельство, что с изменением центров террористической активности, меняется и исполнители

терактов. Перемещение центра террористической активности из Чеченской республики в Дагестан в 2010 г. привело к тому, что исполнителями самоподрывов зачастую выступают женщины и девушки из этой республики.

Стоит учитывать тот факт, что суицидальный терроризм выступает как вариант приобретения новой идентичности – избавление от «негативной» или подтверждения «позитивной» – строителя будущего «совершенного» общества.

Т. Дронзина в своем исследовании также связывает появление феномена смертника с поиском идентичности, но отмечает при этом, что предпосылкой этому является состояние войны или вооруженного конфликта, который ведет к доминированию религиозной идентичности над этнической. Вместе с тем необходимо еще как минимум два фактора для появления этого феномена – появление «поколения войны» и связанное с ним изменение и подмена авторитетов вследствие распада структур традиционного общества [Дронзина, 2011, с. 199].

Участие женщин в качестве смертниц в террористическом движении можно рассматривать также как проявление феминизма, но не в форме радикальной эмансипации, а признание равноправия мужчины и женщины в рамках исламистского мировосприятия – возможность женщине участвовать в вооруженной борьбе и погибнуть «мученической смертью, столь же почетной, как и гибель мужчины, ведущего сражение на пути Аллаха [Чудинов, 2010, с. 285].

Выбор конкретных женщин в качестве потенциальных террористок-смертниц предопределен совокупностью их индивидуально-психологических качеств в сочетании с воздействующими на них определенными условиями окружающей среды.

Анализ профилей смертницы проводится по информации, полученной из опубликованных в открытом доступе вторичных источников, и социальный портрет террористки носит вариативный характер.

Он формируется под воздействием множества политических, социальных, культурных и религиозных факторов. Как правило это тихие, незаметные в повседневной жизни люди; одинокие, чаще вдовы или разведенные, малообеспеченные, легко поддающиеся под чужое влияние. Социальная среда, из которой выходят смертницы, разнообразна. Среди них есть бедные и состоятельные, хорошо образованные и без всякого образования, замужние и незамужние, матери, беременные и те, у кого нет детей. Именно ощущение социальной обреченности оказывается определяющим мотивом для теракта.

Как отмечают А.А Бакин и Н.А. Липский, доминирующими психологическими особенностями террористки-смертницы выступают: дихотомическое мышление (деление окружающих на своих и чужих); снижение уровня эмпатии; сложности самоидентификации; неуверенность и беспокойство за своё существование в связи с постоянным ощущением враждебности со стороны окружающих; наличие акцентуации или психопатизации личности; повышенную внушаемость и размытость

границ между реальностью и фантазией; формирование соответствующей системы иррациональных, деструктивных, антигуманных ценностей [Бакин, Липский, 2016, с. 23]. Стоит также учитывать, что в условиях террористической войны смертницы выступают как наиболее эффективное оружие, обусловленное логикой самого этого конфликта. Так, И.Ю. Сундиев цитирует в своих исследованиях профессора А. Мерари из университета Тель-Авива, утверждающего, что задача рекрутеров террористических организаций – обнаружить тех, кто склонен к самопожертвованию, а затем усилить эту склонность. При этом могут быть использованы различные мотивы как религиозного, так и политического характера. Время нахождения потенциального смертника в террористической организации достаточно коротко-временным, чаще всего кандидат в смертники появляется после детальной разработки очередной террористической атаки и выступает лишь инструментом в руках лидеров террористических группировок [Сундиев, 2008, с. 62].

У. Альтермат подчеркивает, что быстро меняющийся характер окружающей действительности с разрушенными опорными постулатами духовно-религиозной сферы дезориентируют личность. Основопологающим становится стремление «к уютной безопасности закрытого мира, закрытого образа жизни», что личность зачастую находит в организациях радикального характера. «Достижения современной цивилизации и обусловленный ими феномен социальной отчужденности личности способствуют формированию социально активного и мобильного религиозного человека, реализующего свои социально-политические настроения в стремлении собственными деструктивными усилиями преобразовать нетерпимую социальную среду» [Альтермат, 2000, с. 205].

На протяжении двадцати лет (1980–1990-е гг.) феномен террориста-смертника носил региональный характер. Затем произошла его трансформация в глобализованную форму. Лидеру «Аль Каиды» Усаме бен Ладену удалось сформировать транснациональное идейное братство исламистов, разделяющее общие идеологические установки и объединяемое общей стратегической координацией своей деятельности, в основу которого была положена идея мученичества [Чудинов, 2010, с. 48].

Появление и активная деятельность транснациональной террористической организации ИГ¹ привела к трансформации места и роли женщины-террористки. Повсеместное использование женщин-иностранок в ИГ стало новым стратегическим методом борьбы. Как показывают различные европейские исследования, возраст присоединяющихся к ИГ женщин составляет от 15 до 45 лет. Большинство из них – представительницы среднего класса, но определенная часть – это девушки из малообеспеченных слоев общества, всю жизнь прожившие в пригородах или в сельской местности. В докладе, подготовленном Institute for Strategic Dialogue и International Center for the Study of Radicalization Королевского колледжа в Лондоне отмечается, что «женщин влекут к ИГИЛ разные факторы, в том числе чувство своей изолированности, убеждение, что международной мусульманской общине

¹ Организация, деятельность которой запрещена в РФ.

угрожает опасность и желание обрести духовных сестер. Определенная часть девушек следует за своими бойфрендами, тогда как другие, напротив, стремятся к независимости и вынашивают собственные исламистские планы» [Saltman, Smith, 2015, p. 13–15]. Традиционные обязанности по обеспечению моральной и материально-технической поддержки участникам вооруженной борьбы дополняются целым спектром новых ролей, в том числе идеолога и бойца. На территории Сирии и Ирака получает распространение новый феномен – «Ингимаси» («врывающиеся», «погружающиеся»), характерной особенностью которых выступает массовость и высокая эффективность. Их главная цель – убить как можно больше людей, сохраняя как можно дольше свою жизнь. Чаще всего они действуют в связке с обычными смертниками, при этом тактика ведения боя у них различна. Ярким примером реализации этой концепции служит кровавая драма в Париже в ноябре 2015 г., когда в театре «Батаклан» террористы сначала расстреляли заложников, а только потом подорвали себя. По разным оценкам, только за 2016 г. в Сирии и Ираке было совершено от 3 до 4 тысяч подрывов живых бомб. Данных о женщинах, ставших «Ингимаси» к настоящему времени нет.

С июня 2015 г. большинство групп северокавказского подполья присягнуло на верность Исламскому государству, получив статус его новой «провинции» – «Вилаята Кавказ». За последние два года уровень террористической активности на территории Северного Кавказа значительно снизился, а использование женщин в качестве исполнительниц теракта прекращено (последняя акция датируется 2013 г.). К 2018 г. на территории РФ основной угрозой выступают существование «спящих ячеек» указанной транснациональной террористической группировки, а также вероятность возвращения наших граждан, как мужчин, так и женщин, принимавших участия в военных действиях на территории Сирии. При этом наибольшую опасность представляет рост числа преступлений, совершенных одиночками, как мужчинами, так и женщинами, вдохновленными идеями ИГ.

В заключении стоит отметить, что феномен женского суицидального терроризма, получивший распространение на территории России в начале XXI в., выступил как закономерный этап развития северокавказского террористического движения, прошедшего путь от регионального сепаратистского движения к транснациональному джихадистскому проекту. Этот феномен имеет четкие временные рамки своего существования – 2000–2013 гг., пространственную локализацию – Российская Федерация с эпицентром на Северном Кавказе, а также специфические черты: являясь привнесенной извне стратегией вооруженной борьбы террористической банд-подполья, он выступил продуктом гендерного кризиса патриархального общества с определяющей ролью социального мотива в деятельности смертниц. Необходимым условием возникновения этого феномена выступил вооруженный конфликт, который актуализировал проблему поиска идентичности в новой реальности.

На современном этапе, учитывая кризис современных европейских обществ, этот феномен необходимо изучать именно в контексте проблемы идентичности человека в современном глобальном пространстве.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Адамова М.А. Женский терроризм в современном политическом процессе. Дис... канд. полит. наук. Пятигорск, 2007. 166 с.
- Алтермат У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. 366 с.
- Бакин А.А., Липский Н.А. Женщины-террористки: психолого-психиатрический и криминологический анализ // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3. С. 19–25.
- Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX–начало XX в.). М.: РОССПЭН. 2000. 399 с.
- Дронзина Т. Террористки-смертницы: гендерное измерение феномена нового глобального терроризма // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 154–177.
- Дронзина Т. Терроризма женский лик (результаты международного исследования). Астана. 2011. 236 с.
- Капитонов К.А. Террор. Война без правил. Израильско-палестинское противостояние. М.: АСТ, 2006. 528 с.
- Ким И.А. Женское участие в терроризме: религиозный женский опыт или женская дискриминация? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 3. С. 66–74.
- Китаев-Смык Л.А. Гендерный кризис после многолетней войны в Чечне // Мужчина и женщина: Диалог или соперничество? М.: Институт Африки РАН. 2004. Книга I. 429 с.
- Китаев-Смык Л. А. Психосоциальные болезни военного стресса у женщин Чечни // Психопедагогика и правоохранительные органы. 2009. № 3. С. 22–29.
- Мухаммад Аш-Шафии Новые женщины-смертницы: месть, агитация или новая тактика? // Аш Шарк аль-Авсат. 2005. № 11.
- Нефляшева Н. От кавказских амазонок к «белым колготкам» и «черным вдовам». URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/9791> (дата обращения – 01.06.2018 г.).
- Попов И.М. У терроризма – женское лицо. URL: <http://www.milresource.ru/Article-1.html> (дата обращения – 14.06.2018 г.).
- Соснин В.А. Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 52–55.
- Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социальнополитические аспекты проблемы. М.: ВНИИ МВД России, 2008. 114 с.
- Фридберг А.Е. Рогозинникова // Вперед. 1990. 11, 13, 14, 17 июля. URL: <http://www.bibl-krasnoufimsk.ru/index.php/lichnost-v-istorii/37-izvestnye-gorozhane/203-e-rogozinikova> (дата обращения – 27.06.2018 г.).
- Чудинов С.И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). М.: Флинта: Наука, 2010. 312 с.
- Эбзеева З.А. Наемничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты (на примере Северного Кавказа). М.: Юрлитинформ. 2014. 184 с.

Юзик Ю. Невесты Аллаха; Лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России. М.: Ультра Культура, 2003. 27 с.

Crenshaw M. Questions to Be Answered, Research to Be Done, Knowledge to Be Applied. // Rekh W. (ed.) *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. Pp. 245–269.

Saltman E. M., Smith M. 'Till Martyrdom Do Us Part' Gender and the ISIS Phenomenon. URL: <http://icsr.info/2015/06/icsr-report-till-martyrdom-us-part-gender-isis-phenomenon/> (дата обращения – 27 июня 2018 г.).

REFERENCES

Adamova M.A. *Zhenskiy terrorizm v sovremennom politicheskom protsesse* [Female terrorism in modern political process]. Dissertation of cand. of polit. sciences. Pyatigorsk, 2007, 166 p. (in Russian).

Altermatt U. *Etnonatsionalizm v Evrope* [Ethnonationalism in Europe]. M.: RSUH, 2000. 366 p. (in Russian).

Bakin A.A., Lipsky N.A. Zhenshchiny-terroristki: psikhologo-psikhiatricheskii i kriminologicheskiy analiz [Women-terrorists: psychological, psychiatric and criminological analysis], in *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2016. № 3. Pp. 19–25 (in Russian).

Budnitsky O.V. *Terrorizm v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX–nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (the second half of the XIX – beginning of the XX century)]. M.: ROSSPEN. 2000. 399 p. (in Russian).

Dronzina T. Terroristki-smertnitsy: gendernoye izmereniye fenomena novogo global'nogo terrorizma [Female terrorist suicide bombers: gender dimension of a new global terrorism phenomenon], in *Vestnik Evrazii*. 2005. № 1. Pp. 154–177 (in Russian).

Dronzina T. *Terrorizma zhenskiy lik (rezul'taty mezhdunarodnogo issledovaniya)* [Terrorism female face (results of the international research)]. Astana. 2011. 236 p. (in Russian).

Kapitonov K.A. *Terror. Voyna bez pravil. Izrail'sko-palestinskoye protivostoyaniye* [Terror. War without rules. Israeli-Palestinian confrontation]. M.: AST, 2006, 528 p. (in Russian).

Kim I.A. Zhenskoye uchastiye v terrorizme: religiozny zhenskiy opyt ili zhenskaya diskriminatsiya? [Women's participation in terrorism: religious women's experience or women's discrimination?], in *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2006. Volume IX. № 3. Pp. 66–74 (in Russian).

Kitaev-Smyk L.A. Psikhosotsial'nyye bolezni voyennogo stressa u zhenshchin Chechni [Psychosocial diseases of military stress of Chechen women], in *Psikhopedagogika i pravookhranitel'nyye organy*. 2009. № 3. Pp. 22–29 (in Russian).

Kitaev-Smyk L.A. Gendernyy krizis posle mnogoletney voyny v Chechne [Gender crisis after years of war in Chechnya], in *Muzhchina i zhenshchina: Dialog ili sopernichestvo?* [Man and woman: Dialogue or rivalry?]. M.: Institute for African Studies RAS. 2004. Book I. 429 p. (in Russian).

Muhammad Al-Shafii *Novyye zhenshchiny-smertnitsy: mest', agitatsiya ili novaya taktika?* [New female suiciders: revenge, agitation or a new tactics?], in *Asharq Al-Awsat*. 2005. № 11. (in Arabic).

Neflyasheva N. *Ot kavkazskikh amazonok k "belym kolgotkam" i "chernym vdovam"* [From Caucasian amazons to 'white pantyhose' and "black widows"]. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/9791> (accessed 01 June 2018) (in Russian).

Popov I.M. *U terrorizma ... zhenskoye litso* [Terrorism....with a female face]. Available at: <http://www.milresource.ru/Article-1.html> (accessed 14 July 2018) (in Russian).

Sosnin V.A. *Sovremennyy terrorizm i problema motivatsii terroristov-smertnikov* [Modern terrorism and problem of suicide bombers' motivation], in *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*. 2010. № 2(4). Pp. 52–55 (in Russian).

Sundiev I.Y. *Terroristicheskoye vtorzheniye: kriminologicheskiye i sotsial'nopoliticheskiye aspekty problemy* [Terrorist intrusion: criminological and socio-political aspects of the problem]. M.: VNII MVD, 2008. 114 p. (in Russian).

Friedberg A. E. Rogozinnikova [E. Rogozinnikova], in *Vpered*. 1990. July 11, 13, 14, 17. Available at: <http://www.bibl-krasnoufimsk.ru/index.php/lichnost-v-istorii/37-izvestnye-gorozhane/203-e-rogozinnikova> (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Chudinov S.I. *Terrorizm smertnikov: problemy nauchno-filosofskogo osmysleniya (na materiale radikal'nogo islama)* [Suicide terrorism: the problems of scientific and philosophical interpretation (based on the material of radical Islam)]. M.: Flinta: Nauka, 2010. 312 p. (in Russian).

Ebzeeva Z.A. *Nayemnichestvo: ugovovno-pravovoy i kriminologicheskiiy aspekty (na primere Severnogo Kavkaza)* [Mercenary: criminal law and criminological aspects (on the example of the North Caucasus)]. M.: Yurlitinform, 2014. 184 p. (in Russian).

Yuzik J. *Nevesty Allah; Litsa i sud'by vsekh zhenshchin-shakhidok, vzorvavshikhsya v Rossii* [Brides of Allah; Faces and destinies of all female suicide bombers and black widows exploded in Russia]. M.: Ultra Culture, 2003. 27 p. (in Russian).

Crenshaw M. Questions to Be Answered, Research to Be Done, Knowledge to Be Applied, in Rekh W. (ed.) *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. Pp. 245–269.

Saltman E. M., Smith M. *'Till Martyrdom Do Us Part' Gender and the ISIS Phenomenon*. Available at: <http://icsr.info/2015/06/icsr-report-till-martyrdom-us-part-gender-isis-phenomenon/> (accessed 27 June 2018).